

18+

МИКАЭЛ ХАНЬЯН

Черный Монастырь

КНИГА ВТОРАЯ

Беатрис

Микаэл Ханьян

**Черный монастырь.
Книга вторая. Беатрис**

«Издательские решения»

Ханьян М.

Черный монастырь. Книга вторая. Беатрис / М. Ханьян —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934686-5

Западная Франция, 9 век. Обитатели острова Нуармутье готовятся к неминуемому нашествию викингов. Благодаря новой крепости они чувствуют себя в безопасности; однако неожиданное появление чужестранки делает их положение не просто уязвимым, но и смертельно опасным.

ISBN 978-5-44-934686-5

© Ханьян М.
© Издательские решения

Содержание

Первый пролог: Брет и его дочь	10
Второй пролог: Хильбод	15
Третий пролог: Крюшон	19
Четвертый пролог: даны	22
Пятый пролог: Рено	24
Шестой пролог: Гвен и другие	27
Седьмой пролог: монастырь	30
Глава 1	31
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Черный монастырь

Книга вторая. Беатрис

Микаэл Ханьян

Корректор Оксана Сизова

Дизайнер обложки Дмитрий Гладкий

© Микаэл Ханьян, 2018

© Дмитрий Гладкий, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-4686-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-4687-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моим детям

*И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.
Осип Мандельштам*

ЗАПИСКА ОТЦА ТИБО

«Если мой план удастся, ночью рукопись вместе с этой тетрадью будет переправлена на материк. Если же Господь не услышит моей молитвы, переписанный мною текст и эти записки погибнут вместе с их автором.

...Сегодня, в первый день нового года, я пытаюсь осмыслить то, что произошло со мной за последние 4 месяца. Сразу же оговорюсь: я буду пользоваться привычными названиями месяцев, а не теми уродцами, которые, как и все начинания новой власти, оказались либо мертворожденными, либо недоносками. Вот и сейчас я пишу *сентябрь*, и это слово ласкает мне слух, и боль снова подкатывается ко мне, напоминая о прежнем, безвозвратно утерянном времени...

Всё началось два года назад, когда я еще служил в своем родном соборе св. Петра и Павла. Я уже старался не выходить лишний раз за ограду, но и это не спасало от издевательств черни. Почувствовавшие вседозволенность, науськиваемые новой властью, эти люди, в глазах которых горели черные угли ада, врывались в Божий дом, оскверняя его нечистотами, издеваясь над прихожанами и прерывая литургию непотребными воплями. Не раз я приостанавливал богослужение, склоняя голову и повторяя шепотом: «*Libera nos a malo*¹...»

Мой храм был неизменно переполнен молящимися. Приведенные в негодность вандалами, боковые и задний входы были заколочены, поэтому каждый раз я шел к алтарю через плотную толпу прихожан. Порой людей набивалось столько, что путь к амвону затягивался

¹ Избавь нас от греха (лат.).

на полчаса и более. Но я не жаловался. Напротив: я вспоминаю эти дни с величайшим чувством блаженства...

О нет, рассудок мой не помутился; я отвечаю за свои слова. Никогда, даже в самые благополучные и счастливые дни моего служения, я не видел людей так близко, не разглядывал их лица. С амвона видишь безликий наос², в конфессионарии³ слышен лишь голос исповедующегося. А здесь... Впервые я увидел *людей*, и не сплошную и безликую массу, а *каждого*, и у каждого было свое лицо. И пока толпа медленно и осторожно несла меня к амвону, я, нисколько не сопротивляясь ее неумолимому действию, не только не роптал, но в душе своей молил о том, чтобы минуты блаженства продлились как можно дольше. Я вглядывался в эти лица, пытаюсь понять, что привело в храм того или иного человека. Я встречался с ними глазами, стремясь передать хотя бы частицу дарованной мне Господней любви и одними пальцами осеняя их крестным знаменiem.

...В один из таких дней я увидел Шарлотту. Она стояла в боковом нефе, прислонившись к стене, и ее глухой плащ выделялся резким черным пятном на фоне светлого камня. Когда, теснимый толпой, я оказался напротив нее, она приподняла голову, и из-под капюшона сверкнули лазурным блеском ее удивительные, редкие для наших мест голубые глаза.

Я сразу понял, что случилось что-то непоправимое: достойная дочь своего отца, Шарлотта была воспитана в неверии и никогда не переступала порога церкви.

...Жана Паскье я знал с юных лет, поэтому когда он овдовел, я посчитал своим долгом предложить ему и его маленькой дочери пастырскую опеку. Поначалу он вежливо терпел меня; потом мы сдружились. Я никогда не говорил с Жаном о религии, а он воздерживался от нападок на Святой Престол.

Сын маркиза де Паскье, Жан воспитывался при дворе и мог сделать блестящую карьеру, однако независимый нрав и острый язык превратили его в добровольного изгнанника. Он переехал в Нант и поселился в городском доме, уставленном книгами и различными, как он любил говорить, «безделушками», – астролбиями, микроскопами, столярным и слесарным инструментом, а также разнообразными приспособлениями непонятного назначения. Его пылкий ум впитывал новые знания, а его сильные руки с поразительной быстротой осваивали новые умения.

Трудно было придумать такое занятие, которое оказалось бы ему не под силу; однако было одно дело, которому он отдавался с особым упоением. Раз в неделю он доставал из тайника старинную шкатулку черного дерева и, покрутив в руках, начинал ее «обновлять»: покрывал новым лаком, заменял треснувшую скобу замка, аккуратно поправлял ножом резной рисунок. Он никогда не открывал ее при дочери; все, что было ей известно, – это то, что в шкатулке хранятся фамильные ценности.

Видимо, Жан понимал, что синие⁴ не оставят его в живых: этот благородный и гордый человек не только не пытался выторговать себе свободу, как это сделали многие его соседи, с упоением доносившие на своих жен и мужей, но, казалось, всеми силами пытался еще более усугубить свое положение. Вместо того чтобы сослаться на конфликт с королевским двором, он при каждом удобном случае вызывающе заявлял о своем дворянском происхождении и высоком титуле. Синие упивались его кажущимся безумием, не понимая, что истинная победа благородного духа – в отстаивании своего благородства.

...И вот теперь мы шли по набережной Луары, и Шарлотта рассказывала мне о событиях последних дней. От нее я узнал, что Жан брошен в тюрьму, а их дом разграблен. Несчаст-

² Главная часть храма.

³ Исповедальня.

⁴ Республиканцы

ному было предъявлено стандартное обвинение: *сочувствующий*. Я содрогнулся: сочувствие, эта важнейшая добродетель, вменялась теперь в вину!..

Конечно, я предложил Шарлотте укрытие, и – конечно! – она отказалась от помощи, не желая усугублять мое и без того незавидное положение священнослужителя, не присягнувшего новой власти. Единственное, чем мне удалось заручиться, – это обещанием приходить ко мне почаще.

Но бедная девочка не смогла выполнить обещанного, ибо уже на следующий день ее схватили...

С тех пор я ничего не слышал о ней. Пару раз я пытался пробиться к начальнику тюрьмы, которого когда-то мне довелось крестить, но меня только грубо прогнали от ворот. Потянулись долгие дни, недели, месяцы... Судьба терзала мою бедную паству, то озаряя ее лучом надежды, то вновь швыряя на дно беспросветного уныния; и вместе с нею метался от упования к отчаянию и я...

Увы, последние надежды на возвращение к нормальной жизни рухнули этой осенью, когда в город прибыл комиссар Каррье и велел установить на площади Буффэ гильотину. По своей наивности, я полагал, что синие собираются устроить показательные казни мятежников, которых держали в тюрьме Сен-Клер. Я не знал, какая страшная участь была уготована городу. Я не ведал, как широко разверзаются порой врата ада.

На третьей неделе октября люди Каррье начали сгонять на площадь пленных солдат и заключенных городских тюрем. Каждую минуту вздымалось лезвие гильотины, чтобы лишить жизни очередную жертву. Первыми казнили шуанов⁵; за ними гильотинировали солдат Королевской армии Вандеи. Толпы зевак наблюдали это жуткое зрелище. Они и не догадывались, что пощады не будет никому, что уже на следующий день придут за ними, и кто-то другой – кто с ужасом, кто с безумной ухмылкой – будет провожать глазами очередную окровавленную голову, откатывающуюся от гильотины...

Каждый зверь когда-нибудь пресыщается. К исходу третьего дня гильотина застыла, а наутро первый осенний шторм погнал кровавые потоки по опустевшей площади...

Вскоре парижский палач потребовал свежей крови, и когда на равнине Жигант были расстреляны все федералисты и «умеренные», злодей придумал новую, еще более изощренную и мучительную расправу: людей стали топить.

По его приказу дюжину грузовых баркасов оснастили донными люками. Несколько десятков измученных людей – в основном *сочувствующих* и *подозрительных* – заталкивали на такое судно, а затем топили, как котят, открывая люки, через которые связанные по рукам и ногам жертвы, полуживые от мучений и страха, уходили на дно. Целые дни я проводил на берегу Луары, дрожа от холода, но не смея уйти, не помолившись за упокой этих несчастных. И я всё еще надеялся увидеть Шарлотту.

Постепенно ко мне привыкли и, казалось, не замечали; я превратился в неодушевленный предмет. Мои губы шевелились, произнося слова молитвы, но слезы уже не стекали по щекам. Моя душа перестала чувствовать; мои глаза перестали видеть. Каждый день я просил Господа о смерти, но он не позволил моему сердцу разорваться от горя. Я покорно принял свою судьбу.

И тут провидение улыбнулось мне: я узнал, что Шарлотта жива. В течение нескольких дней я скитался между городской тюрьмой и портowymi складами, набитыми несчастными горожанами, надеясь хотя бы что-то узнать о ее судьбе. Но я был слишком наивен: стены узилища были глухи и немы, а к складам никого не подпускали на пушечный выстрел.

Наконец, вечером первого ноября я увидел ее среди большой группы заключенных, ожидающих своей страшной участи у широкого баркаса. Синие проверили работу люков и начали заталкивать на борт людей, предварительно связав им руки. Многие неуклюже переваливались

⁵ Мятежники, действовавшие на стороне роялистов.

через борт, ломая конечности. Причал огласился воплями, которые тонули в окриках людей, потерявших человеческий облик.

Шарлотта стояла со сложенными на груди руками и гордо поднятой головой. Я бросился к ней, но в десяти пье⁶ был остановлен молодым солдатом, сыном одного из прихожан. Узнав меня, он смутился и пропустил на пристань.

Только теперь, оказавшись совсем рядом с девушкой, я заметил, что она прижимает к груди какой-то сверток. В тот же момент один из синих вцепился ей в кисти, пытаясь разжать их, чтобы забрать сверток и связать руки. Но он ничего не добился: Шарлотта как будто застыла – пальцы на ее руке одеревенели настолько, что их было легче сломать, нежели разогнуть. Изрядно вспотев, солдат плюнул на нее и взялся за более легкую жертву.

Я выкрикнул ее имя, и она медленно повернула голову. Никогда не забуду ее взгляда: в нем была отрешенность человека, уже простившегося с жизнью. Не отводя от меня глаз, она медленно опустила сверток на землю, а затем, не разгибаясь, накрыла его сдернутой с себя накидкой.

Пока синие были заняты очередной группой пленников, я осторожно подобрался к Шарлотте и, улучив момент, незаметно наклонился и поднял сверток, который тут же спрятал в полах своей сутаны.

Я собирался дождаться конца, надеясь словом или взглядом поддержать свою подопечную, но тут один из синих стал тыкать в меня пальцем, выкрикивая грубые ругательства.

Я растерялся, но Шарлотта вновь оказалась на высоте положения: быстро шагнув вперед, она бросилась в воду. Оторопев от такой дерзости, синие тут же забыли обо мне: всматриваясь в темную воду, они ругались и отталкивали друг друга, дожидаясь, пока всплывет тело.

С трудом сдерживая рыдания, я заставил себя побыстрее раствориться в вечерней мгле, сжимая в руках то единственное, что осталось от моего друга и его дочери.

... Не буду подробно описывать свои дальнейшие злоключения. Скажу лишь, что я не стал дожидаться ареста и сразу же покинул город. В течение нескольких дней я передвигался в основном по ночам, днем скрываясь в опустевших амбарах и заброшенных мельницах. Я двигался по побережью, сам не зная, куда именно, пока через неделю не оказался на острове Нуармутье.

Здесь мне был оказан теплый прием. Командующий роялистов, господин Фортиньер, предложил должность второго капеллана, которую я принял с благодарностью. Мне сразу же выделили небольшое помещение и снабдили дровами.

Здесь, в своей небольшой и жарко натопленной келье, я впервые открыл загадочный сверток.

Нетрудно догадаться, что, развернув дерюгу, я увидел большую черную шкатулку. Поскольку я не сомневался в том, что она содержит драгоценности – причем, как я полагал, немалые, – я решил, что имею право воспользоваться ее содержимым для нужд роялистов, которые уже испытывали трудности с продовольствием и фуражом. Во всяком случае, я не сомневался, что будь Жан на моем месте, он поступил бы именно так. Поэтому, испросив в молитве Божьего благословения, я вскрыл шкатулку.

К моему величайшему удивлению, драгоценностей там не оказалось. Вместо них я увидел кипу пожелтевших от времени страниц, исписанных готической вязью. Просмотрев два-три листа, я понял, что рукопись написана на среднефранцузском, который я понимал без особого труда.

Когда я вчитался в текст, меня охватил настоящий трепет. Описываемые в рукописи события не только относились к глубокой и почти неисследованной древности, но происходили на этом самом острове! Рукопись захватила меня без остатка. Временами мне начинало

⁶ Фут.

казаться, что я слышу звон мечей и слышу грубые выкрики викингов, а в те редкие моменты, когда я покидал свою комнату и выходил на берег, вдали мерещились узкие ладьи пришельцев с севера...

Почти весь декабрь ушел на переписывание текста. Я настолько втянулся в работу, что практически перестал покидать свою комнату. Это привело к некоторому осложнению отношений с военными, однако Фортиньер, узнав о содержании рукописи, велел оставить меня в покое.

К Рождеству Христову все хранившиеся в шкатулке листы, числом около трехсот, были переписаны современным языком и стянуты добротным переплетом.

И вот теперь, накануне неминуемого штурма острова и падения роялистов, силы которых обескровлены многомесячной осадой, я исполняю то, что велит мое сердце: я отправляю эту бесценную рукопись неизвестного автора через Гуа⁷, надеясь, что она будет спасена для потомков, ибо последующие поколения достойны того, чтобы знать историю далеких предков, которые за много веков до нас точно так же отстаивали свободу своего духа, как сегодня это делаем мы, и как из поколения в поколение предстоит делать каждому, кто хочет именоваться человеком».

Отец Жак Тибо. 1 января 1794 года от Р.Х.. Буа де ля Шез, на о. Нуармутье

⁷ Проход между материком и островом Нуармутье.

Первый пролог: Брет и его дочь

Узкая ладья неслышно скользила в утреннем тумане. Норманны шли вдоль самого берега, вглядываясь в поросшие низкими соснами скалы. Утреннюю тишину нарушали лишь плеск весел и скрип уключин.

Конунг⁸ уже приметил бухту, в которую собирался завести судно, когда вдруг из тумана вынырнули чайки и, противно крича, пролетели над самой ладьей, обгадив сразу нескольких гребцов. Тот, кому досталось больше других, бросил весло, ругаясь и вытирая лицо рукавом. Конунг задумался. Почему птицы показались с запада?

Развернув ладью и не обращая внимания на ропот гребцов, предвкушавших долгождан- ный отдых, конунг всматривался в белое молоко тумана. Чутье не подвело и на этот раз: вскоре пелена рассеялась, и норманны увидели перед собой длинный и совершенно плоский остров.

Прошло 30 лет. Плоский остров, лежавший на полпути между родной Ютландией и зем- лей мавров, стал излюбленным пристанищем для данов: здесь можно было передохнуть, запа- стись провиантом, оставить в схроне добычу или забрать награбленные ценности и с новыми силами отправиться на юг или, наоборот, совершить последний переход на север, к родным берегам.

Были и другие острова, и другие хорошие места. Поэтому поначалу приходили сюда не каждый год, а реже, давая местным отстроиться и пополнить разграбленные сараи и амбары. Однако потом, когда плоский остров превратился в оплот не только для ближних, но и дальних походов, даны стали наведываться сюда ежегодно, проводя здесь по месяцу и более.

Местные кряхтели, проклинали ненавистных викингов, но поделаться ничего не могли. Сопротивляться было бесполезно – голову прошибут и не вздрогнут. Поэтому терпели, мечтая о других временах, когда чужаков прогонит неведомая, но могучая сила.

Терпели и монахи, обитатели монастыря. Молились Богородице, молились Спаси- телю, молились мощам Св. Филиберта, построившего когда-то здесь монастырскую обитель. Но ничего не изменялось, и монастырь хирел, и всё новые братья перебирались на материк, подальше от острова – открытого и незащищенного острова Нуармутье.

В свой последний набег даны совсем озверели: высадились на берег сильно потрепанные и злые, спалили все деревянные постройки, разбили и сожгли все лодки, разграбили мона- стырь. Хорошо хоть островитяне вместе с монахами успели попрятаться – кто в лесу, кто за Белыми Скалами...

Как жить дальше, было непонятно. Ни лодок, ни жилищ, ничего не осталось. Благо что лето, иначе только и оставалось бы, что ложиться да помирать. Вместе с монахами острови- тяне соорудили несколько времянок, достали из немногих уцелевших погребов вяленое мясо и разделили на всех. А затем собрались на сход и решили идти на материк, к аббату Хильбоду.

В первый же утренний отлив, как только земля вздохнула полной грудью и дорога через Гуа приподнялась из-под воды, островитяне отправились в путь. С собой взяли несколько фун-

⁸ Князь у норманнов.

тов тонкой белой соли. Слава богу, хоть она уцелела, на нее ведь что хочешь можно обменять – и еду любую, и инструмент, и оружие. Хотя зачем на острове оружие? Пользоваться им всё равно некому.

День выдался нежаркий, шли быстро. Могли бы еще быстрее, но приходилось то и дело отгонять сумасшедшего старика Крюшона, который незаметно увязался за ними и теперь визгливо ругался, когда в него тыкали рогатиной; Крюшон ненадолго отставал, но вскоре снова подбирался к остальным, напрашиваясь на новые тычки.

Солнце еще стояло высоко, когда островитяне добрались до места. Они быстро нашли аббата, который, по приказу короля, всё последнее время присматривал участок для новой материковой обители.

Выслушав их рассказ, Хильбод надолго задумался, опустив белую голову и тяжело опираясь на посох.

Видимо, приняв какое-то решение, аббат велел погорельцам возвращаться и собирать строительный инструмент, после чего островитяне двинулись в обратный путь, чтобы успеть домой засветло. Сам же Хильбод собрался с мыслями и отправился в соседнее село Гарнаш.

Брет жил вместе с дочерью на окраине села. Он быстро овдовел: вскоре после родов жена умерла, и Беатрис осталась единственным ребенком. Впрочем, Брет уже давно не воспринимал ее как свою дочь: эта некрасивая тридцатилетняя женщина была чем-то средним между домохозяйкой и наемным работником. Высокая, угловатая, ширококостная, Беатрис делала всё наравне со своим отцом – каменщиком и плотником, а когда она убирала за ворот косу, надевала длинный кожаный фартук и брала в руки топор, то и вовсе превращалась в настоящего мужика.

Рано поняв, что женское счастье едва ли когда-нибудь улыбнется его дочери, Брет смолоду начал учить ее грамоте и ремеслам. Заставлять ее не приходилось: девочка оказалась толковой и без особого труда усваивала как языки, так и математику. С двенадцати лет Брет начал учить ее сначала плотницкому, а затем и строительному ремеслу. Стук молотка и монотонный звук пилы заглушали робкий голос созревающего женского естества, а вскоре этот голос и вовсе умолк за полным отсутствием к нему какого-либо внимания. Поэтому Брету удалось избежать участи отцов, вынужденных если и не держать своих дочерей на привязи, то уж во всяком случае неотступно следить за ними.

Когда Беатрис выросла, сравнявшись с отцом и в силе, и в росте, он стал брать ее с собой – сначала на соседние делянки, а затем в окрестные села и даже в ближний монастырь. Дел хватало везде: тому дом построить, тому мельницу сложить. Беатрис быстро училась и вскоре уже подменяла отца, когда того заваливали работой. Сначала над ней посмеивались, затем привыкли, а вскоре зауважали – за хорошие руки, понятливость и неболтливость. Подруг у нее не было: пересуды и сплетни были ей глубоко безразличны, да и природная угрюмость не располагала к общению.

Единственным обществом был для нее отец. Они вместе трудились, вместе готовили еду, вместе обсуждали очередной заказ. А затем вместе его выполняли: длинные и широкоплечие, с одинаково обветренными, красными лицами, они слаженно работали, изредка обмениваясь короткими фразами, – так работают люди, давно и хорошо понимающие друг друга.

Хильбод был знаком с семьей Брета с давних пор. В прошлом, когда девочка была совсем маленькой, Брет помог восстановить монастырскую обитель, разрушенную еще сарацинами.

Знакомство на этом не прекратилось. Хильбод иногда бывал в Гарнаше и в каждый визит старался навестить Брета. Правда, это случалось нечасто – отец и дочь редко бывали дома, неделями пропадая на очередном строительстве. Но когда ему удавалось застать старого мастера у себя, оба с большим, хотя и тщательно скрываемым удовольствием заводили неспешную беседу, пока Беатрис, сняв на время свой рабочий фартук, готовила им еду.

На этот раз Хильбоду повезло: хозяин стоял у наружного верстака и точил топор. Решив, что это добрый знак, Хильбод коротко поприветствовал старого знакомого и сразу перешел к делу. Он рассказал о визите островитян, напомнил, сколько раз этим людям приходилось страдать из-за набегов ненавистных данов, а затем без обиняков предложил Брету возглавить строительство крепости.

Мастер задумался и, судя по выражению его лица, идея показалась ему заманчивой. Предупреждая возможные возражения, Хильбод обрисовал свой план. Строить нужно сразу, чтобы успеть до зимы. Работников будет предостаточно: островитяне остались без средств к существованию и без привычных промыслов. Общими силами можно возвести крепость быстро. Епархия позаботится о пропитании и готова выделить деньги на временки.

Брет никогда не торопился с решением. Так и на этот раз он лишь пообещал появиться на острове и дать окончательный ответ на месте. Потолковав, договорились встретиться на Нуармутье через два дня на третий.

За всё это время Беатрис не произнесла ни слова и только изредка поглядывала на Хильбода своими глубоко посаженными серыми глазами.

Когда Брет и Беатрис пересекли Гуа, их уже ждал соляник Ерин со своей телегой, на которой, по случаю приезда важных гостей, стоял широкий ящик, служивший чем-то вроде скамейки.

Брет сразу же велел отвезти его к Белым Скалам. Четыре лье – путь немалый, особенно если тебя везет осел, а дорога неровная и каменистая. Но для Брета не существовало потерянного времени: в своей голове он рисовал возможные варианты крепости и продумывал первые, самые необходимые меры, так что время пролетело незаметно.

Что касается Беатрис, то всю дорогу она мрачно взирала на пепелища, разрушенные мельницы и сожженные посевы.

Добравшись до восточного леса, Брет пометил несколько сот деревьев, приказав свалить их, очистить от веток и оттащить вглубь острова, к плоскому холму рядом со старой церковью. Островитяне собрали топоры, а кузнец Сидмон обещал изготовить всё, что закажут; ему, в свою очередь, были обещаны древесные отходы – ветви и откомлевки.

Монахи тоже приняли деятельное участие: прикатали несколько бочонков с медом и отдали на переплавку старый колокол, разбитый еще сарацинами. Монахов – тех, что покрепче – было совсем немного, человек десять, но зато каждый умел держать в руках топор и был привычен к физическому труду.

Беатрис ходила за отцом следом и внимательно слушала его указания. Разглядев в ней женщину, монахи шарахались от нее, как от черта; она же, привычная к таким реакциям,

не обращала на них никакого внимания, думая совсем о другом – о том, что осенью задуют сильные ветры, и отцу потребуется теплая нательная рубаха, ведь в последнее время он всё чаще и всё натужнее кашляет.

Аббат не ошибся: крепость построили быстро. Работали слаженно и с азартом. Эти люди были привычны к труду, и труду нелегкому; но если повседневная работа воспринималась как обязанность, то строительство крепости стало праздником, ибо все знали, что строят для себя. В этом и заключался план Хильбода: построить не просто крепость, а общее подворье, где каждый мог бы жить и заниматься своим ремеслом.

Желающих оставить насиженные места и поселиться в крепости набралось около сотни; именно эти люди за неполных три месяца построили настоящий *каструм*. Плоский холм напротив храма окружили рвом и обнесли частоколом из цельных бревен с заостренными верхушками. Отгородив таким образом место, Брет разметил территорию: с севера на юг и с запада на восток, как и положено, каструм рассекали два широких прохода, пересечение которых было оставлено свободным для общих сходов. Вдоль проходов и по всему периметру возникли жилые и хозяйственные строения. Благодаря умелому планированию, все строители смогли разместиться в крепости вместе со своими ремеслами, притом что половина утепленных помещений оставались свободными и предназначались в качестве временных убежищ для остальных островитян.

С первого дня Беатрис работала на строительстве крепости наравне с отцом. Брет, разрываемый на части со всех сторон, посылал ее объясняться со строителями, многие из которых мало что смыслили в плотницком или столярном ремесле. На первых порах это часто приводило к конфликтам: мужчины плохо мирились с тем, что ими командует баба, а женщины вообще не воспринимали ее как представительницу того же пола. Но Беатрис, привычная и к тому, и к другому, никак не реагировала ни на осуждающие взгляды, ни на громкое перешептывание. Она делала дело, порученное ей отцом, и этого было достаточно, чтобы всё остальное если и не переставало существовать, то во всяком случае занимало положенное место – то место, которое должно отводить пустякам.

Продумав вместе с отцом все детали каструма и приняв участие во всех этапах строительства, она знала крепость как свои пять пальцев. Но она не была бы дочерью своего отца, если бы не унаследовала от него еще одного качества: неистощимой изобретательности. Эта замечательная черта проявилась и на этот раз. Когда еще только начинали рыть ров, и соляники, поднатеревшие на прокопке канав, шли друг за другом со своими боронами, все глубже вгрызаясь в грунт, Беатрис придумала использовать пространство между частоколом и внешней стеной для обустройства особых, скрытых от глаз помещений – таких, в которых можно было бы прятать не только припасы и инструмент, но и людей.

Отец использование скрытого периметра одобрил, но по другим причинам: поскольку строить собирались быстро, он решил ставить все конструкции на сваях. Брет понимал слабости такого решения, но не видел, как за такой короткий срок можно «и обнести, и окопаться». Предложение дочери позволяло дополнительно укрепить хотя бы внешние стены, причем сделать это незаметно. А скрытность, считал Брет, никогда не помешает.

Так образовался узкий глухой коридор, по которому можно было незаметно обойти всю крепость. Он был поделен на равные секции, в которые попадали через особые лазы – потайные входы и выходы. Расположение этих лазов, равно как и само существование скрытого периметра, было известно только Брету и Беатрис.

Дождливый октябрьским днем, ближе к вечеру, когда многие строители уже разошлись по своим домам и временкам, Брет забрался на крышу, чтобы выровнять косо положенную балку. Идя по краю стены, он поскользнулся и упал на землю, ударившись головой о камень. Он пролежал, никем не замеченный, несколько часов, прежде чем на него наткнулся парнишка, собиравший инструмент. Когда подросла Беатрис, ее отец был уже мертв.

Беатрис похоронила его на утро следующего дня, а затем собрала строителей, чтобы вместе решить, кто будет руководить работами. Мужчины долго молчали, а затем, опустив глаза, попросили, чтобы она продолжила дело, начатое ее отцом.

Хильбод, который в то время находился в Пуатье, полностью одобрил решение. Аббат долго сокрушался о том, что не успел отблагодарить Брета при жизни; отчасти по этой причине он заказал лучшему каменщику Гарнаша большую плиту из белого камня, которую велел положить на могилу мастера, вырытую у западной стены.

Смерть Брета никоим образом не повлияла на работоспособность Беатрис: похоронив отца, она лишь стала еще более молчаливой. Теперь уже никто не шарахался от этой «бабы с топором»: показав себя в деле, она заслужила если не любовь, то хотя бы уважение. А к любви она, казалось, была равнодушна.

Беатрис завершила строительство до холодов, так что Рождество встречали уже в новой крепости. Зима и весна прошли в обустройстве нового общего дома и приготовлениях к лету – а значит, к новым визитам норманнов.

Второй пролог: Хильбод

Аббат Хильбод был человеком небольшого роста и большой души. Поначалу это казалось ему несправедливым: он считал, что Господь с избытком наделил его любовью и милосердием, обделив этими божественными качествами многих других. Он боролся с кощунственностью своих мыслей, но они возникали вновь. Наконец, он прекратил борьбу, решив, что так было угодно Господу, и что его задача – оправдать доверие Творца.

Каждый раз, лишь только он задумывался о Всевышнем, его переполнял восторг и лицо озарялось улыбкой. Из-за этой почти никогда не исчезающей улыбки его прозвали «блаженным».

В далекой молодости будущий аббат провел несколько лет на острове Св. Михаила, в первой монашеской обители, построенной еще преподобным Обером. На восходе солнца, стоя на вершине холма и вглядываясь в океан, постепенно озарявшийся рассветными лучами, он испытывал такое неземное блаженство, что переставал ощущать свое физическое тело. Однажды, опьяненный восторгом, он распростер руки, шагнул навстречу солнцу и свалился с обрыва. По счастью, пролетев лишь пару метров, он зацепился за корягу, с которой ближе к вечеру был снят монахами, встревоженными его отсутствием.

Проведя на острове Св. Михаила два года, он ощутил неодолимое желание вернуться в мир. В епархии его приняли прохладно – прерванное монастырское служение вызвало недовольство и подозрения. В результате ему было предложено отправиться в паломничество в Святую Землю, где он задержался на целый год.

Весь этот год Хильбод провел на ногах. Легкий и подвижный, он исходил все святые места, пройдя Палестину вдоль и поперек – от Ермона на севере до пустыни на юге. Боясь чего-то не успеть или куда-то опоздать, он нигде не задерживался больше одного-двух дней. Исключением стал Капернаум, где, сидя на берегу Галилейского моря и глядя на восток, он внезапно понял, почему Спаситель так любил проводить здесь часы досуга: там, на противоположном берегу, две горные гряды плавно спускались к воде, сходясь в единой точке на горизонте и позволяя водной глади и небесам сомкнуться и раствориться друг в друге.

Возвращаясь из паломничества, Хильбод надолго задержался в Италии, где быстро прославился своим евангелическим пылом и добротой. Несколько лет, на правах послушника, он провел в Монтекассино, изучая устав бенедиктинцев и их быт. *Ora et labora*⁹ стало девизом всей его последующей жизни.

Здесь же он понял, что больше не может жить без моря. Однако потребовалось пятнадцать лет, чтобы это знание превратилось в страстное желание вернуться в Пуату, где к тому времени сменился епископ.

Весной восьмьсот третьего года, проделав за два месяца путь от южных Альп до холмов Пуатье, Хильбод явился в епархию, был хорошо принят и получил благословение в качестве приора – помощника престарелого и немощного настоятеля, доживавшего свой век в мона-

⁹ Молись и трудись (девиз бенедиктинцев).

стыре Нуармутье. Рано поседевший, Хильбод выглядел маленьким старцем, хотя в действительности ему не было и сорока лет.

Его глазам предстало печальное зрелище. Разоренный монастырь влачил жалкое существование: старцы ютились в полуразрушенных кельях, а молодых монахов почти не было – мало кто стремился поселиться на неприветливом и опасном острове. Здесь не хватало всего – продовольствия, инструментов, умелых рук. Как некогда Святой Филиберт, Хильбод взялся за труд, казавшийся невыполнимым: он решил заново отстроить монастырь, вернуть ему былую славу и процветание.

Весь первый год Хильбод редко бывал на острове, обивая пороги вельмож. В поиске высоких покровителей он дошел до королевского двора, где был удостоен аудиенции у Людовика. Будущий *император Запада* долго расспрашивал о Святой Земле и укладе зарубежных монастырей. Хильбод отвечал вежливо, но односложно и всё время переводил разговор на свою обитель. Советник короля попытался приструнить дерзкого аббата, но Людовик одернул вельможу и попросил подробно рассказать о Нуармутье. Узнав, что монастырь пребывает в плачевном состоянии, а обитатели острова совсем одичали, молодой король заплакал и распорядился восстановить монастырь, пообещав свое личное покровительство.

Уже через год монастырь преобразился, и следующие десять лет прошли в мире и благополучии. Монахи помогли очистить заросшие соляные бассейны и сельскохозяйственные плантации, и на лицах островитян вновь стали появляться давно забытые улыбки.

После почти десятилетнего перерыва норманны снова напали на остров и разграбили монастырь. Правда, обошлось без крови, чему немало способствовало поведение Хильбода. Когда даны, втащив свои ладьи, огляделись, они тут же увидели новую кровлю монастырской обители и огромный, выполненный из черного дерева крест, вбитый в серый камень торца. Пока викинги рассматривали восстановленное строение, раздумывая, что с ним делать – спалить или приспособить под схрон, – монахи укрылись в лесу. Сам же приор, со своей лучезарной улыбкой, вышел им навстречу и обратился с проповедью. Даны не поняли ни слова, однако вид человека, нисколько их не боящегося, произвел должное впечатление, и вместо того чтобы зарубить Хильбода на месте, они лишь легонько толкнули его, поскольку сам он никак не хотел сдвинуться с места. При падении он потерял сознание, а когда очнулся, всё было уже позади: даны исчезли вместе с припасами, которых должно было хватить на целую зиму. Перед уходом они разрушили несколько крестьянских домов и сожгли мельницу.

Первое, что удивило Хильбода, когда он пришел в сознание, была необычная тишина: даны перебили всех собак, отчаянно пытавшихся защитить своих хозяев и их владения.

С тех пор набеги снова стали обычным делом. С приходом лета к ним начинали готовиться так же, как готовятся к любому сезонному явлению – например, к засухе или наводнению: кто-то уходил на материк, другие отсиживались в укрытиях или в лесу.

Если бы не Хильбод, монахи покинули бы остров, ведь жить в постоянном ожидании нападения было невыносимо. Но приор удерживал их личным примером: каждый раз он выходил навстречу незваным гостям и обращался к ним с одними и теми же словами – просил никого не трогать, «не вешать на душу гири тяжкие». Викинги весело ржали, давали несколько незлобивых затрещин и предавались очередному грабежу. Видя бесстрашие своего приора,

братья просто не могли себе позволить сбежать, бросить его на произвол судьбы. Поэтому обитель сохранялась, хотя и приходила неуклонно в упадок.

Как-то раз даны привезли с собой чернявого паренька, который понимал по-гречески. Хильбод засиял от счастья и, перескакивая от волнения с греческого на латынь, принялся объяснять пришельцам, что все люди – братья, и что брата своего нельзя ни убивать, ни грабить. Хотя основное содержание проповеди прошло мимо северных ушей, приором заинтересовался конунг, приказавший не трогать Хильбода и велевший привести его для более обстоятельного разговора. Конунг уже давно подыскивал место, с которого можно было бы взимать дань, вместо того чтобы просто забирать всё, что попадется под руку. Сбор дани привлекал по нескольким причинам, главная из которых заключалась в надежности и предсказуемости. Другой причиной была возможность превратить схроны в постоянные хранилища, где можно было бы держать всё необходимое для дальних походов.

К исходу дня Хильбод и конунг договорились: островитяне приобрели безопасность, а даны – форпост, место отдыха и пополнения запасов.

В течение нескольких лет обе стороны неукоснительно соблюдали договор, устраивавший и данов, и островитян. По местным меркам, откупиться удалось недорого: викинги забирали по сто фунтов соли, которую затем меняли на оружие.

Конечно, находились и недовольные, для которых даны оставались разбойниками и варварами. Договор с норманнами расколол и монахов, и через год многие ушли на материк, где обосновались в новой обители на озере в местечке Деас. Однако в своем большинстве люди радовались мирной и спокойной жизни, хорошо помня разорительные набеги прошлых лет.

Беда пришла после того, как Людовик затребовал Хильбода, теперь уже аббата, в соседнюю Бретань, которую уже не раз пытался усмирить то принуждением, то убеждением. Устав от многолетнего противостояния, король рассчитывал на то, что участие Хильбода сделает поход менее кровопролитным. И он не ошибся: с третьей попытки аббат сумел убедить Вимарка, воинствующего предводителя бретонцев, сложить оружие и принять Господнее прощение. Обрадованный Людовик щедро одарил нового бретонского вассала и велел строить монастыри, дабы «свет любви Господней освещал дальние окраины империи». Сие богоугодное дело было поручено Хильбоду.

Он несколько раз пытался вернуться на Нуармутье, но всякий раз при мысли о его возможном отъезде короля охватывал суеверный страх: ему казалось, что мир с бретонцами держится на этом маленьком седом человеке с его светлым взглядом и по-детски открытой улыбкой. Однако через пять лет, когда королевский трон зашатался, Людовик сам отослал Хильбода назад, боясь, что вместе с его собственной головой скатится и голова верного клирика. Хильбод принял высочайшее разрешение с благодарностью, но перед отъездом встретился с сыном Людовика Лотарем и уговорил того не идти войной на собственного отца, а явиться к нему с покаянием.

Когда отец и сын, заключив друг друга в объятия и обливаясь слезами, стояли в окружении притихших вельмож, Хильбод уже приближался к границам Вандеи.

Днем ранее даны, направлявшиеся к Нуармутье, решили навестить Бретань. Вимарк, который оказался умелым военачальником, сильно потрепал пришельцев: сначала его лучники не дали норманнам высадиться на берег, а затем ему удалось пробить борт ладьи выпущен-

ным из баллисты камнем, в результате чего одно из трех судов пришлось бросить. В итоге викинги были вынуждены перебраться в две уцелевшие ладьи, выкинув за борт не только доспехи и тяжелое оружие, но и съестные припасы.

Поэтому когда днем позже появились две ладьи, на остров высадились голодные и злые даны. Начисто забыв о договоре, они с диким, звериным азартом сожгли деревянные строения и затопили соляные бассейны.

Через несколько лет, не выдержав очередного разорения, островитяне отправились к Хильбоду, после чего тот решил построить крепость. Последние из пепелищ еще дымились, когда, спустя несколько дней, аббат добрался, наконец, до своего острова.

Третий пролог: Крюшон

Когда после Рождества обитатели крепости собрались на первый совет, то сразу же встал вопрос о хозяине. Пока был жив Брет, островитяне надеялись, что смогут уговорить его стать их головой; когда мастера не стало, заговорили о Хильбод, но тот быстро дал понять, что не оставит монастырь. Поэтому островитяне собрались, не имея никакого представления о будущем старосте.

Для проведения совета на перекресток, образованный пересечением двух главных проходов, притащили и уложили вкруговую толстые бревна, на которых расселись все обитатели крепости. Посредине торжественно водрузили «жаровню» – замечательное изделие, которое кузнец Сидмон выковал специально для зимних собраний. Она представляла собой громадную, чуть не в два человеческих роста конструкцию, очертаниями своими напоминавшую огромный костер. Собственно, для того жаровня и была сделана, позволяя соорудить большой костер в любом открытом месте. Костер получался не только большой, но и очень жаркий: толстые плоские металлические прутья, на которых укладывались поленья, постепенно накалялись и щедро отдавали тепло.

Сидя вокруг жаровни и глядя на улетающие в темноту искры, островитяне молчали, завоженные ритуальным огненным танцем. Вскоре стихли последние голоса, и установилась полная тишина, прерываемая только потрескиванием поленьев.

Когда всё стихло, Хильбод встал и, прочитав короткую молитву, напомнил о цели собрания: выбрать главу крепости. Начали выкрикивать имена, но ни одно не встретило единодушного одобрения. И тут Крюшон предложил Беатрис. В действительности, безумный старик прокричал нечто неудобоваримое и даже оскорбительное, но к нему привыкли, да и торжественность момента не позволяла надавать ему обычных тумаков. Услышав имя Беатрис, кто-то засмеялся, но тут же умолк. Поднялся ропот, который быстро перерос в громкий гул. Хильбод снова встал и, дождавшись тишины, сказал, что Господь всемилостив, и в своем великом милосердии он послал им Беатрис, дочь Брета, дабы она завершила дело, начатое отцом. А потому он считает, что в этом и есть Божий промысел, и что если они выберут другого человека, то свернут с уготованного пути.

Хильбод пользовался огромным уважением и у монахов, и у мирян, поэтому возражений не последовало; так Беатрис стала хозяйкой крепости.

Когда упоение общим делом, строительством каструма, закончилось и начались будни, то очень скоро выяснилось, что отнюдь не все обитатели довольны своими новыми соседями. До появления крепости островитяне никогда не жили общинами: семьи, иногда многочисленные, селились вольготно, так что соседи не мозолили друг другу глаза и редко соприкасались в повседневной жизни. Теперь же, оказавшись под одной крышей, все были на виду, и очень быстро стало ясно, что не всех это устраивает.

Разброду было много, особенно поначалу. Вспоминали старые обиды и давние ссоры, напоминали про старые долги. К Беатрис потянулись недовольные. Спокойно выслушав каждого, она всем отвечала одно и то же: крепость для всех, поэтому и жить здесь вправе каждый. Кому не нравится – может селиться за стенами. Поворчав, островитяне свыклись с мыслью о том, что теперь придется жить кучнее и что прежняя жизнь осталась в прошлом.

Но был среди обитателей крепости человек, с присутствием которого не хотел мириться никто. Звали его Крюшон.

Настоящее имя Крюшона не знал никто. Эта кличка¹⁰ пристала к нему, как репей, но, в отличие от цепкого соцветия, избавиться от нее уже не удалось.

Вечно шелудивый, одетый в лохмотья, с косматой гривой и заплеванной бородой, Крюшон внушал островитянам целый букет чувств, ни одно из которых не было пронизано духом братской любви или хотя бы терпимости. Над ним издевались, его прогоняли палками и рога-тинами, в него бросали камнями, а один раз, спящего, даже облили помоями.

Такое неприятие объяснялось не только его скотским состоянием, но и манерами. Излюбленной его проделкой было выскочить из-за угла и отчебучить какую-нибудь мерзкую шутку – например, снять штаны и показать свой тощий, давно не мытый зад. Или забраться в чью-нибудь лодку и превратить ее в отхожее место, из-за чего рыбаки его однажды чуть не убили – Крюшону удалось увернуться, и весло лишь перебило ему левую руку, которая несколько недель болталась, как плеть.

Никто не знал, сколько ему лет. Тощего и сморщенного, как старый гриб, его считали и называли стариком уже добрых тридцать лет. Жил он в лесу, в какой-то норе, питаясь неизвестно чем. Правда, он никогда не побирался. Более того: если какая-нибудь сердобольная душа пыталась подать ему кусок, он приходил в ярость и долго сыпал проклятиями, изрыгаемыми из беззубого рта.

Единственным человеком, которого он подпускал к себе, был Хильбод. Аббат вёл себя с ним совсем не так, как с остальными: обращаясь к сумасшедшему, он становился строгим и даже властным. Такой тон действовал на старика самым неожиданным образом: притихнув, он слушал настоятеля, часто моргая и внимательно рассматривая собеседника. Он никогда не отвечал, но после «разговора» с Хильбодом исчезал и в течение нескольких дней не тревожил островитян своими выходками.

На время строительства крепости Крюшон уgomонился и нередко, стоя поодаль и почесываясь, наблюдал за работами. Порой он что-то бормотал себе под нос, хватал палку и начинал чертить на земле одному ему понятные фигуры.

Когда строители начали заселять крепость, Крюшон вновь потерял покой, то и дело появляясь в самых неожиданных местах. Его прогоняли, но он снова подходил к частоколу, задирая косматую голову и рассматривая зубцы. А вскоре он и вовсе обнаглел: попытался как ни в чём не бывало пройти во внутренний двор вместе с очередными переселенцами, в результате чего был крепко побит. Оклемавшись он лишь к вечеру, после чего исчез.

Больше о нём никто не слышал.

К началу весны крепость была полностью заселена. Ремесленники и кустари обосновались вдоль главных проходов; жилые постройки разместились у стен. Так появились две улицы – длинная и короткая: короткая начиналась от главных ворот и проходила с запада на восток, а длинная пересекала крепость с юга на север. В отличие от остальных обитателей, Беатрис поселилась у стены, в северо-восточном углу, в единственном двухэтажном помещении, верхний этаж которого был вровень с верхушками ограда. Отсюда было хорошо видно то, что происходит за пределами крепости.

¹⁰ Крюшон (*фр.*): то есть «балбес».

Через какое-то время хозяйка крепости решила проверить состояние потайного коридора. Не успела она приподнять крышку люка, как в нос ударил едкий, зловонный запах. В поисках источника этого зловония она натолкнулась на груды лохмотьев, среди которых в тусклом свете лампы разглядела Крюшона: старик дремал, вздрагивая и бормоча что-то во сне.

Как он сюда попал, осталось загадкой. Но не это беспокоило Беатрис: она прекрасно знала об отношении островитян к безумцу, однако считала несправедливым лишать его той защиты, которую давала крепость. Поэтому, растолкав Крюшона и подождав, пока тот перестанет вопить и размахивать руками, она предложила ему остаться в крепости, но так, чтобы об этом никто не знал. Старик слушал ее, опасливо косясь на лампаду, но больше не хулиганил.

На следующий день она соорудила для него нечто вроде утепленного чулана, достаточно большого, чтобы в нём можно было не только спать, но и прохаживаться.

Трудней пришлось с отхожим местом: потайной коридор большей частью находился ниже уровня земли, что не позволяло сбрасывать нечистоты наружу или вниз. Немного подумав, Беатрис смастерила нужник оригинальной конструкции, позволявший опорожнять отходы человеческого тела в специальную яму, которая после каждого использования присыпалась песком, стоило только потянуть за шнур.

В течение двух дней Крюшон, насупившись, наблюдал за ее работой, прижав к груди груды лохмотьев. За всё это время он не притронулся к еде, которую хозяйка принесла для себя и старика. Правда, когда Беатрис вернулась сюда через несколько дней, корзинка с провиантом была пуста.

С тех пор хозяйка раз в три дня навещала в потайной коридор, оставляя рядом с чуланом еду и питье. Эти странные, безмолвные отношения продолжались до лета, когда очередной визит норманнов заставил забыть и прежние обиды, и сумасшедшего старика Крюшона.

Четвертый пролог: даны

К появлению данов готовились тщательно. Уже в конце мая вдоль всего восточного побережья было устроено несколько сторожевых площадок, на которых с начала июня, сменяя друг друга, дежурили «смотрители». Кроме того, хозяйка крепости предприняла некоторые шаги для защиты самой уязвимой, южной части острова, где находилась большая часть соляных бассейнов. Поскольку даже наличие смотрителей, которые должны были подавать особые сигналы при виде приближающихся данов, не позволяло южанам вовремя добраться до крепости, Беатрис навестила одного из соляльщиков и объяснила, как соорудить простое укрытие, в котором можно отсидеться несколько дней. Позднее такие укрытия, рассчитанные на несколько человек и совершенно незаметные для постороннего глаза, возникли по всему острову.

В самой крепости на всякий случай приготовились к длительной осаде, поскольку не знали, долго ли пробудут на острове непрошенные гости. Были заготовлены съестные припасы, нарублены дрова, наточены инструменты. Появились желающие запасть оружием, но Беатрис сразу дала понять: тот, у кого будет найден меч, лук или арбалет, будет тотчас выселен из крепости. Хильбод был несказанно рад такому решению и взволнованно процитировал соответствующее место из евангелия от Матфея.

Монахи заявили, что будут держаться своего настоятеля, а сам настоятель обдумывал очередную речь, которая, как он надеялся, уж на этот-то раз обязательно образумит варваров.

Всё вышло совсем не так, как себе представляли островитяне. Даны появились аж в середине июля, на четырех ладьях, однако к острову причалила только одна: остальные повернули на северо-восток, к материку, и вскоре скрылись за мысом.

Те же, кто высадился на берег, вели себя достаточно мирно. Хильбод, как обычно, вышел гостям навстречу, но они, как будто не замечая его, прошли мимо, громко обсуждая что-то на своем языке. Глядя им в спины, Хильбод понял, что именно привлекло гостей: высадившись у Голого Мыса, то есть южнее, чем обычно, они еще издали заметили высокий частокостел каструма.

Видя, что настоятелю не удалось остановить пришельцев, монахи быстро заперлись в кельях. Рыбаки и соляльщики юга уже были оповещены смотрителями, так что к тому моменту, когда даны подошли к восточной стене, все, кто хотел и мог, уже находились либо в своих укрытиях, либо за оградой.

Даны обошли всю крепость по периметру и, дойдя до северо-восточного угла, остановились, задржав головы и уставившись на верхний этаж: там, невозмутимо глядя на пришельцев, стояла Беатрис. Один из норманнов пустил в нее стрелу, но та застряла в смотровом щите: это хитроумное устройство, сделанное из толстых параллельных досок, позволяло наблюдать за противником сквозь щель между направленными под углом досками; если же возникала опасность, достаточно было опустить рукоять, чтобы доски повернулись и плотно прижались друг к другу, надежно защищая от стрел и арбалетов.

Шумно обсудив увиденное, даны, которых было около тридцати человек, устроили привал прямо у стен каструма. Не зная, кто и что может скрываться за этими стенами, они выжидали, не предпринимая активных действий.

Выжидали и островитяне. По периметру были расставлены вилы и батога – на тот случай, если даны полезут на стену. Детей согнали в кузницу и дубильню, женщины сгруппировались там же,

но снаружи, готовые в любой момент поднять крик и позвать на помощь мужчин, которые рассредоточились вдоль ограды.

Вечером гости возвратились на свою ладью и, выставив караул, заночевали на судне, а наутро отчалили в направлении материка.

Визиты продолжались каждый год. Обычно удавалось отсидеться в крепости: гости задерживались на один-два дня, после чего отправлялись либо на материк, либо на юг, к Пиренейскому полуострову. Как-то раз даны решили проверить на прочность ворота – потыкали в них бревном, но как-то вяло, без азарта, и вскоре оставили свои попытки. Безобразничали и по-иному: несмотря на дань, могли изрубить фруктовый сад или изгадить соляной бассейн – так, забавы ради.

Если Хильбод бывал на острове, то всегда выходил им навстречу, надеясь, что среди пришельцев вновь окажется кто-нибудь, говорящий на латыни или по-гречески. Норманны его не обижали, разве что могли по-свойски хлопнуть по спине, так что аббату приходилось после этого денек-другой отлеживаться. Даны удовлетворялись проверкой своих схронов, забирали дань, которую островитяне оставляли в гроте, и отчаливали. Случалось и так, что в течение лета бывало по два визита – обычно это были те же самые викинги, возвращавшиеся домой, в Ютландию.

Так продолжалось еще три года, после чего жизнь острова изменилась самым непредсказуемым образом.

Пятый пролог: Рено

Обитатели крепости и остальные островитяне уже успели привыкнуть к новой жизни, когда, несмотря на смуту и неустойчивость трона, Людовик решил дать отпор бесцеремонным викингам. Поначалу он хотел поручить это преемнику Вимарка, но сеньоры Пуату посчитали делом чести самим разобраться с норманнами. Как нельзя более кстати, весной состоялся турнир, на котором проучить непрошенных гостей вызвался граф Рено.

Молодому графу везло во всем: этот баловень судьбы был хорош собой и отличался той хладнокровной смелостью, которая покоряет женщин и обескураживает врагов. Унаследовав от отца огромное состояние, он преумножил его, набирая вассалов из людей с настоящей хозяйственной жилкой, какого бы сословия они ни были.

Его любовным похождениям завидовал весь двор. И действительно: неугомонный и охочий до приключений, граф щедро разбрасывал свое благородное семя. Однако он не забывал ни одного из своих многочисленных бастардов, обеспечивая как их, так и своих несостоявшихся избранниц всем необходимым для безбедного существования.

Для полноты счастья графу не хватало только успехов на поле брани, и потому он быстро ухватился за предложение, поступившее с острова Нуармутье. К началу лета его личная дружина превратилась в небольшое, но хорошо обученное войско, готовое по первому зову отправиться на защиту островитян.

Взяв с собой около сотни воинов, Рено встал лагерем к западу от Голого Мыса, в полулье от крепости. Отряд насчитывал около 20 лучников; остальные были вооружены копьями и метательными секирами. Кроме того, по его приказу, на берег доставили легкую баллисту, которую, благодаря съемным колесам, можно было быстро перевозить с места на место.

Первые дни обитатели крепости обходили лагерь стороной, но вскоре между двумя поселениями установились тесные отношения. Крепость не только кормила отряд Рено, но и обслуживала воинов: кузница точила оружие и ремонтировала доспехи, у кожевников можно было починить одежду или заказать новую. Сам граф посетил монастырь и, в сопровождении Хильбода, осмотрел каstrum.

Аббат представил ему хозяйку крепости, но Рено лишь слегка кивнул Беатрис, скользнув взглядом по ее грубым, тяжелым рукам. Его больше интересовала кузница, где он задержался, чтобы побеседовать с Сидмоном; к удовольствию окружающих, кузнец отвечал сеньору степенно и с достоинством.

Даны появились на первой неделе июля. Две большие ладьи и две поменьше уже собирались причалить в обычном месте, когда Рено ударил по ближнему судну из замаскированной баллисты. И первый, и второй залп застали викингов врасплох, чему немало способствовал тот факт, что вместо одного крупного булыжника в баллисту зарядили дюжину более мелких, но достаточно увесистых камней, что позволило поразить сразу нескольких гребцов.

Пока даны первой ладьи пытались справиться со своим смятением, остальные повернули назад. Рено подумал, что викинги пытаются зайти с фланга, но в действительности они просто уносили ноги. Атакованная и поврежденная ладья оставалась на месте, и вскоре стало понятно, что она быстро наполняется водой. Еще несколько залпов из баллисты – и данам пришлось

прыгать в воду. Финал был коротким: половина викингов утонули, а те, кто пытался добраться до берега вплавь, были перебиты лучниками.

Как только слухи о первой победе над данами достигли крепости, там начался праздник: местный трактирщик объявил, что угощает всех за полцены, а крестьяне на радостях и вовсе начали бесплатно раздавать свежесобранные овощи и фрукты. На берег отправили повозку и торжественно забрали из укрытия мешки с данью. До позднего вечера никто не хотел расходиться по домам; всем казалось, что бывшие страхи безвозвратно ушли в прошлое.

Монастырь отметил победу куда сдержанней. Монахи вознесли благодарственную молитву, но Хильбода одолевали противоречивые чувства. Битвы не получилось – вышло какое-то избиение, и ему было искренне жаль тех, кто лежал теперь на дне моря рядом со стенами монастыря.

Беатрис тоже не разделяла всеобщего ликования, но по другим причинам. Она прекрасно понимала, что если в следующий раз силы окажутся неравными, крепости и ее обитателям несдобровать. Не желая портить настроение остальным, она удалилась к себе, мрачно прислушиваясь к шуму и пьяным крикам.

Не праздновал и ее сосед – обитатель потайного коридора, старик Крюшон. Весь вечер он что-то мастерил из колышков, шевеля губами и прерываясь только на то, чтобы подкрепиться едой, оставленной для него хозяйкой.

Граф и его небольшое войско оставались на острове до конца августа, когда стало понятно, что до следующего лета новых визитов не будет. Островитяне, привыкшие к своим защитникам, прощались долго и сердечно. Пересекая Гуа, отряд вез за собой несколько телег, доверху груженных провиантом, пожертвованным благодарными монахами и мирянами.

Слишком легкая победа над викингами не удовлетворила Рено, которому хотелось настоящих сражений в открытом бою, а поскольку недостатка в предложениях не было, то вскоре граф, с разросшимся и умелым войском, уже дрался за Луарой с вассалами Бретани, пересекал Гаронну в погоне за мятежными аквитанцами, воевал с Людовиком Баварским на Рейне. Везде ему сопутствовала удача, отовсюду он возвращался с новой славой и богатыми трофеями.

Постепенно страсть к приключениям и военным подвигам уносила графа всё дальше от океана, и весной следующего года он уже не вспоминал о далеком острове Нуармутье.

Между тем приближалось очередное лето, и островитяне с нетерпением ожидали вестей от графа, надеясь, что он вновь поставит свой лагерь у Голого Мыса. Впрочем, они были бы согласны и на любое другое место – хоть в самой крепости. Лишь бы граф защитил их.

Но Рено не появлялся, а в конце весны Хильбод узнал, что доблестный граф скончался от ран, полученных во время боя в Арденском лесу.

Радостное ожидание в одночасье сменилось унынием. Монахи извлекли из крипты останки Св. Филиберта и перенесли их в Деас. К разочарованию аббата, четверо из пяти братьев, отправившихся на материк, там и остались.

В крепости укрепили ворота, а на заостренные бревна частокола насадили металлические зубцы. Кроме того, по всему периметру внешняя стена ошетилилась острыми пиками, вбитыми на уровне человеческого роста и не дающими вплотную подойти к ней. Сидмон трудился

не покладая рук, но всё равно не успевал выполнять все заказы Беатрис. Пришлось набрать новых помощников, в том числе Алана – одного из бастардов графа Рено.

Островитяне готовились к мести норманнов, и никто не обманывал себя ложными надеждами.

Но и на этот раз всё прошло не так, как ожидали. Даны явились на двух небольших ладьях и остановились неподалеку от Белых Скал, где около часа простояли без движения. Затем одно судно медленно подошло к берегу, а второе осталось на якоре. К слову говоря, с тех пор они всегда бросали якорь напротив Белых Скал – и обзор тут хороший, и простор открытый, так что, в случае чего, можно легко унести ноги.

Хильбод уже смиренно ждал гостей у подножья холма. Даны шли, озираясь по сторонам, и на их лицах не было привычной уверенности.

Подойдя поближе, они вытолкнули вперед переводчика, который скороговоркой сообщил, что конунг не желает крови, а желает, как прежде, получать скромную дань.

Хильбод, едва сдерживая нервную дрожь, ответил, что мир всегда лучше войны и что дань, конечно, будут оставлять в обычном гроте.

Даны вернулись на берег; по всему было видно, что им по-прежнему неуютно. Только на следующий день, когда они убедились, что на острове не осталось ни баллисты, ни метких лучников, вторая ладья снялась с якоря и подошла к берегу. Поведение викингов сразу же изменилось. Вечером, после темноты, они явились в монастырь и потребовали к себе аббата. Братья, сильно напуганные, не хотели отпускать настоятеля, тем более в темное время и одного. Хильбоду тоже было не по себе, но он взял себя в руки.

Его привели к большому костру, разведенному у самой воды, где конунг, через переводчика, перечислил всё, что отныне следовало оставлять в гроте. Общий объем дани увеличился в несколько раз; помимо соли, даны потребовали муки, сухофруктов и пива. После этого конунг поинтересовался, куда девался камнемет и появится ли вновь. Хильбод честно ответил, что не знает.

На том и разошлись.

На следующий день в спешном порядке собрали дань, погрузили на телегу, и к вечеру монахи (остальным Хильбод велел не покидать крепости) отвезли к гроту мешки с солью и мукой, корзины с сушеными яблоками и, за неимением пива, три бочонка с вином. Даны тут же, не отходя от грота, выпили всё вино, погорланили что-то на своем языке и заснули, а на следующий день, слегка помятые и немногословные, отчалили в южном направлении.

Шестой пролог: Гвен и другие

Несмотря на то что последний визит норманнов не сопровождался разбоем, радости у островитян не было: им не верилось, что обойдется и в следующий раз, а если не в следующий, так через раз – какое это имело значение? Главное – не было в душе покоя, а были одни тревоги и невеселые мысли. К тому же уж очень они успели понадеяться на то, что Рено будет защищать их каждый год и что не придется больше собирать унижительную дань.

Но граф лежал в семейном склепе, и положиться было не на кого.

Начиная с того года, остров зажил своей обычной жизнью – жизнью в ожидании конца света. Во всяком случае, именно так воспринимал каждое летнее нашествие данов самый древний из монахов, отшельник Нис.

Нис появился в монастыре давно, еще до сарацинов, и никто не знал, сколько ему лет. Как правило, этот древний, но еще крепкий старец пребывал в небольшом скальном гроте, всего в нескольких пье от воды. Раз в три дня ему приносили еду и питье. Иногда он не притрагивался к корзине по несколько дней, глядя на океан белесыми, невидящими глазами. Порой, закрыв глаза, он сидел, не шевелясь, сутками напролет, и было непонятно, здесь ли он еще или витает в каких-то неведомых далях.

Прибрежный грот старец выбрал не случайно: когда-то это место называлось «пещерой Филиберта», ведь именно здесь провел последние годы своей жизни основатель монастыря, Святой Филиберт. Никто не знал, чего добивается Нис, – стремится ли он к какому-то особому просветлению, общается ли с небесным воинством или просто устал от монахов и мирян.

Единственным человеком, который навещал отшельника, была Гвен.

За год до строительства крепости она осталась сиротой: во время очередного визита данов ее отец, туговатый на ухо, не услышал окрика щитоносца и, не успев вовремя убраться с дороги, был зарублен на месте. Его жену, иступленно бросившуюся на самого конунга, пригвоздили к земле копьем.

С того дня Гвен замолчала. А через год соседи привели ее в крепость, и Беатрис взяла ее к себе на воспитание.

Теперь, пять лет спустя, Гвен превратилась в пятнадцатилетнюю девушку. Она так и не заговорила, но во всем остальном стала надежной, а иногда и незаменимой помощницей своей любимой хозяйки.

Вряд ли можно было бы подыскать двух женщин, столь разительно отличавшихся друг от друга. Мужеподобная Беатрис низким голосом давала очередное поручение, а тонкая, гибкая Гвен безмолвно вставала и отправлялась его выполнять. Никто не мог ей ни в чем отказать: она приходила к крестьянину, показывала на мешок муки и улыбалась – и тот тут же понимал, что мука нужна хозяйке, которая рассчитается за нее в ближайшее время. Она взваливала на свои острые плечи корзину с трехдневным провиантом, и заметивший ее монах тут же

забирал ношу и нес ее до самого берега, передавая ее девушке перед самым гротом, – Нис не любил, когда Гвен приходила не одна.

Беатрис научила Гвен грамоте, и та полюбила читать. Брет оставил после себя большую библиотеку: по большей части это были объемные фолианты, привезенные знатными людьми из других стран и приобретенные мастером в качестве платы за различные плотницкие, столярные или строительные работы. Было здесь много и чистых, нарезанных листов хорошо выделанного папируса, который хозяйка берегла для важных посланий. В основном же девушка писала на небольших дощечках, используя для этого обыкновенный уголь.

Природа наделила Гвен удивительной способностью усваивать всё новое без какого-либо усилия. Она раскрывала греческое Писание, клала рядом с ним латинское и читала их, переходя с одного на другое и делая короткие выписки. Уже через два месяца она развлекалась тем, что читала по-латыни и тут же писала перевод по-гречески. Сверив ответ, девушка довольно улыбалась и задавала себе очередное упражнение.

Глядя на нее, Беатрис испытывала противоречивые чувства. Она привязалась к воспитаннице и относилась к ней как к дочери. Но она не могла не понимать, сколь трудной будет жизнь для этой тонкой души, и потому в очередной раз планировала отправку девушки на материк к какой-нибудь достойной аббатисе.

Но придумать ничего не удавалось, да и сама Гвен никуда не стремилась и чувствовала себя абсолютно счастливой. Она любила выполнять поручения хозяйки, читать про близкие и далекие страны, заглядывать к кузнецу Сидмону, так сильно ударявшему по наковальне, что внутри каждый раз что-то ёкало, и, конечно, относить еду отшельнику Нису.

С монахом-отшельником ее связывали особые, только им двоим понятные отношения. Когда она впервые принесла Нису корзину, тот молча ее принял, а затем долго провожал девушку взглядом. Гвен не оборачивалась, ощущая этот взгляд спиной, по которой разлилось приятное тепло.

На следующий раз он тихо взял ее за руку и усадил на выстланный мхом пенек. Гвен могла бы поклясться, что в прошлый раз этого пенька не было. Они долго сидели в молчании, после чего Нис улыбнулся и кивнул ей, и Гвен поняла, что ей пора.

Этот ритуал повторялся в течение нескольких недель, после чего Нис заговорил.

Беседы с Нисом стали обычным занятием. Это были именно беседы: не в силах отвечать словами, Гвен отвечала взглядом, жестом, улыбкой. Иногда Нис переспрашивал, так ли он понял, и чаще всего девушка кивала, довольная тем, что ее понимают без слов.

Старый монах говорил мало, с большими паузами, которые были очень кстати: почти всё, что он изрекал, Гвен слышала впервые. Когда Нис что-то говорил, то обычно он смотрел на море, и постепенно она тоже переняла от него эту манеру. Так они и сидели, глядя на море и беседуя.

Со временем Гвен стало казаться, что море тоже участвует в их беседах: оно никогда не было одинаковым и, казалось, прислушивалось к теме их разговора и даже отдельным словам. Если Нис говорил о Божьем милосердии и любви, море стихало, как будто боясь пропустить очередное слово. Если он заговаривал о людских пороках, то часто поднимались волны. Завороженная Гвен украдкой поглядывала на отшельника, уверенная в том, что он умеет повелевать стихиями.

В отличие от остальных, Нис никогда не пытался заставить ее заговорить. Все, включая Беатрис, считали своим правом или долгом дать какой-нибудь совет, который обязательно помог бы ей вновь обрести голос. Соляники предлагали особые компрессы из морской соли и водорослей; мясник был уверен в живительной силе селезенки; Беатрис свято верила в пчелиный яд. И только Нис воспринимал ее такой, как есть, не пытаясь ничего изменить.

Отшельник никогда и ни о чём ее не расспрашивал, как будто всё, что она могла бы ему рассказать, было ему уже известно. Но когда Гвен – жестами, написанными на дощечках словами или своим выразительным лицом – рассказывала очередную новость, едва уловимые перемены в выражении его лица говорили ей о том, что он внимательно слушает и хорошо слышит.

Было еще одно отличие старого монаха от остальных островитян: он никогда не жалел Гвен. Если другие обитатели крепости, каждый на свой лад, выражали свое дружеское участие, Нис ни разу, ни единым словом не выказал своего сочувствия.

Лишь когда девушка уходила, старый монах задумывался и долго смотрел невидящими глазами куда-то вдаль, как будто дожидаясь ответа на безмолвный вопрос.

За пару лет каструм превратился в обжитой городок. Здесь можно было провести несколько месяцев, не выходя за ворота и не испытывая ни в чём нужды. В первый же год хозяйка ввела нечто вроде налога: каждый обитатель крепости был обязан участвовать в создании общих запасов. Если человек по роду своей деятельности не выращивал овощей и фруктов, не ловил рыбу и не добывал соль, то он был обязан помогать тем, кто этим занимался. Нередко помощник превращался в подмастерье и начинал собственный промысел.

Больше других Беатрис беспокоили дети. В крепости подрастала шумная ватага юных островитян, никак не желавших понять, что лето – пора особая, когда из крепости нельзя надолго отлучаться, не испросив на то разрешения у взрослых. Малыши увязывались за детьми постарше, и хозяйке то и дело приходилось отправлять людей на поиски молодых проказников, заигравшихся допоздна где-нибудь за Белыми Скалами.

Однако положение в корне изменилось, когда в крепости появился Алан – бастард графа Рено.

Хильбод привез Алана на остров вскоре после смерти Рено, когда назначенный графом опекун, растратив выделенные сеньором деньги, выкинул мальчика на улицу. Юноша, не помнивший свою мать и не представлявший, где ее искать, отправился к аббату – единственному человеку, которого он знал с детства и который, как он был уверен, сможет ему помочь.

Хильбод, так же, как и Беатрис, беспокоившийся из-за детей, сразу же понял, что Господь послал ответ на его очередную молитву: кому как не сыну графа, пусть даже незаконному, быть вожаком маленьких обитателей каструма?

С первого дня своего появления в крепости Алан стал притягивать к себе не только детей, но и взрослых. В этом юноше всё было необычным для островитян: его благородная манера говорить, его владение оружием, его тонкие и выразительные черты. Открытые голубые глаза смотрели на собеседника так просто и открыто, что какое-либо лукавство становилось невозможным. Мужчины начинали признаваться в своих слабостях, женщины смущенно отводили взгляд, а малыши смотрели на него с восторгом и боялись пропустить хотя бы одно слово.

Алан сразу же понравился Сидмону. Вскоре он уже помогал кузнецу, в том числе дельными советами. Оказалось, что юноша не только хорошо владеет мечом, но разбирается и в других видах оружия.

Прошло какое-то время, и умения Алана оказались востребованными.

Седьмой пролог: монастырь

Как это ни удивительно, появление крепости самым неблагоприятным образом отразилось на монастырской обители. Если в прежние времена жизнь была сосредоточена вокруг монастыря, то теперь единственным центром для островитян стала крепость. Еще не так давно миряне частенько заходили в монастырь – кто за благословением, кто за продуктами и солью; теперь этот людской ручеек иссяк.

А ведь когда-то, в золотую пору обители, сюда тянулся и стар и млад. Первые монахи, пришедшие на Нуармутье вместе с Филибертом, были, как и он, мастерами на все руки. Именно они обустроили плоский остров, превратили его в цветущий и богатый край.

Теперь же монахи доживали свой век в запустенье, в обветшалых, полуразвалившихся кельях. Остались только самые набожные и самые немощные. А после того как они отдали на переплавку единственный, давно треснувший колокол, монастырь обезмолвел.

Хильбод, как мог, старался поддерживать монастырский дух. Каждый день монахи собирались на общую молитву – единственное, что продолжало объединять этих поникших людей. Некоторые уже не покидали своих келий, другие еще возились на монастырских угодьях, выращивая овощи и фрукты и, конечно, продолжая добывать тонкую белую соль. Но и у них сил оставалось всё меньше.

На утренней заре братья, в своих неизменных черных рясах, собирались у кромки воды и распевали псалмы. Вторившие им птицы сбивали и без того нестройный хор, и монахи путались, сетуя на беспечных пташек и свою собственную нерадивость.

Монастырь продолжал хиреть, однако самое печальное заключалось в том, что вместо монашеского братолюбия всё больше проявлялись такие недостойные мирские качества, как зависть и злословие. На смену былому единению пришло разобщение. Вскоре монахи уже собирались группами, понося «чужих» и превознося «своих». Немощные завидовали тем, кто покрепче, соляники перемывали кости земледельцам, и все вместе насмехались над отшельником Нисом.

Хильбод всё прекрасно понимал и не раз пытался помирить братьев, вернуть их прежнее единение. К своему огорчению, он видел, что его усилия не только не дают искомого результата, но используются противоборствующими группами в своих корыстных целях.

Монастырь быстро превращался в стоячий омут. Редко чему удавалось нарушить его привычное, полусонное существование, и братья уже с трудом вспоминали те дни, когда они, молодые иноки, истово били себя в грудь, принося монашеский обет смирения, подвижничества и высоких помыслов.

Глава 1

СУМКА

Яркая вспышка молнии выхватила из темноты чрево грота, и через мгновение раздался оглушительный грохот. Поднялся ветер, забросив в пещеру первые капли дождя.

Нис проснулся, когда уже всё небо озарялось всполохами грозы. Какое-то время он продолжал лежать, равнодушно прислушиваясь к стихии. Февральские бури – дело обычное; они так же неизбежны, как июльская жара.

Однако ветер усиливался, и постепенно потоки воды начали заливать пещеру, гонимые яростным, обезумевшим ветром. Нис перетащил деревянный щит, служивший ему ложем, в самый дальний угол, но спасения не было и там. Захлестываемая мощными порывами ветра, вода продолжала прибывать, и вскоре вся пещера наполнилась черной жидкостью. Но и это можно было бы пережить, если бы не новый, мощный поток, который внезапно хлынул в пещеру через расщелину в стене.

Деваться было некуда, и Нис решил, что так угодно Всевышнему. Закрыв глаза, он вслушивался в грозу, держась за выступавший из стены камень. Держаться приходилось всё крепче, поскольку воды набралось уже столько, что щит то и дело всплывал, норовя вырваться из грота вместе с хозяином.

Очередной поток рванул щит с такой силой, что Нис изо всех сил вцепился в спасительный камень. К несчастью, в тот же момент прямо из-под камня ударила новая струя, в результате чего выбитый камень остался у него в руках, а отшельника понесло потоком к выходу.

И тут произошло чудо: зацепившись за какой-то уступ, щит на мгновение остановился, и Нис успел покинуть свой погибельный плот. Собрав последние силы и цепляясь за ускользающую землю, он кое-как добрался до более высокого угла и свалился в беспамятстве.

Очнулся он уже на рассвете. Выбравшись из пещеры, он осмотрелся. Шторм был редким по силе: кругом лежали поваленные деревья, и весь холм был изрыт потоками воды.

Чуть ниже, на огромных валунах, виднелось его бывшее ложе. Нис содрогнулся, представив себе, что он тоже мог бы лежать сейчас на голых камнях, а чайки и коршуны клевали бы его непогребенное тело.

Поблагодарив Господа, отшельник вернулся к гроту. Предстояло придумать, из чего можно было бы соорудить новое ложе. Конечно, он мог бы дожидаться Гвен и передать через нее просьбу Беатрис – хозяйка никогда бы ему не отказала. Но монаху почему-то хотелось обойтись собственными силами.

Нис в задумчивости брел вдоль берега, рассеянно глядя на сломанные деревья. Привыкший к окружавшему его пейзажу, он скользил взглядом по знакомым кустам и деревьям, отмечая только изменения – в основном это были нагромождения сломанных веток и причудливые земляные дамбы, созданные за несколько часов мощными потоками воды.

Внезапно его взгляд остановился на странном предмете, застрявшем меж двух огромных камней внизу, у самой кромки воды. Слабые глаза отшельника видели только общие черты: судя по всему, это была то ли небольшая сумка, то ли сверток.

Как ни всматривался Нис, большего ему разглядеть не удалось, а спускаться по практически отвесным скалам не было сил. Оставалось дожидаться Гвен и попросить ее об услуге.

Гвен появилась немного раньше обычного. По всему было видно, что она торопилась: ее щеки порозовели от быстрой ходьбы, грудь часто вздымалась.

Причина этой спешки была понятна: вдоль всего пути, от крепости до берега, она видела следы ночной бури, и ее богатому воображению уже рисовались самые мрачные картины.

Заметив отшельника рядом с гротом, девушка просияла, но тут же всплеснула руками, увидев, во что превратилось столь знакомое место. Нис решил ей не мешать и терпеливо ждал, пока Гвен обошла весь холм и внимательно осмотрела внутреннее пространство грота.

Когда она показала жестами, что не понимает, куда делся деревянный щит, Нис кивком показал на камни. Девушка осторожно подошла к краю скалы и заглянула вниз.

– Посмотри, – отшельник показал пальцем на застрявший между валунами непонятный предмет. – Что это? Мне отсюда не видно.

Гвен на мгновение задержала свой взгляд на предмете и исчезла. Через минуту она появилась внизу: осторожно ступая по скалам, она медленно пробиравась к большим валунам.

Нис следил за ней сверху, безуспешно пытаясь разглядеть то, что она держала теперь в руках. Хотя их разделяло не более двух десятков пье, даже это расстояние не позволяло старику понять, что именно застряло ночью между камнями.

Гвен снова исчезла, и Нис присел на пологий выступ, ощущая непонятную дрожь в ногах.

Девушка вернулась к гроту, осторожно сжимая в руках кожаную сумку. Простая, почти неотделанная кожа лопнула и в двух местах была рассечена глубокими трещинами. По ее виду Нис сразу же понял, что сумка угодила в воду.

Он осторожно принял сумку из рук Гвен и положил ее себе на колени. Дрожь охватила все его тело, сердце колотилось. Гвен заметила волнение старика и медленно погладила его ладонь.

Это нежное прикосновение возымело свое действие: старик успокоился, несколько раз глубоко вздохнул и раскрыл сумку.

Глава 2

НАМОКШИЙ ПЕРГАМЕНТ

– И где ее леший носит?

Беатрис стояла посреди перекрестка, уперев руки в бока. Гвен отсутствовала уже полдня. Хотя заданный хозяйкой вопрос ни к кому конкретно не относился, на ее зычный голос тут же откликнулся проходивший мимо Ерин:

– Я ж тебе сколько раз говорил, хозяйка: не пускай ты девицу на берег. – Ерин никогда не скрывал своего скептического отношения к дружбе Гвен и отшельника. – Неровен час, тронется старик от своего одиночества – что тогда с немой будешь делать?

Беатрис угрюмо посмотрела на Ерина, махнула рукой и побрела в кузницу.

Сидмон жмурился на солнце, запрокинув голову и упираясь своими длинными руками почти в самые торцы обтесанного бревна, приспособленного у входа для «посиделок».

– Что горюешь, хозяйка? – спросил он, не открывая глаз. – Вернется твоя красавица, не переживай. Вон буря какая прошла – небось, помогает там прибраться.

Беатрис присела на бревно, гладко стесанное сверху и превращенное в подобие скамейки.

– Спасибо, кузнец. Ты всегда меня утешаешь.

Сидмон встал, сладко потянулся и взъерошил густые волосы.

– Пришли ее ко мне, когда вернется: у меня для тебя кое-что имеется.

Кузнец исчез в кузнице, и вскоре оттуда стало доноситься привычное постукивание и позвякивание. Хозяйка еще немного посидела, рассеянно слушая эти звуки и пытаясь понять, над чем работает Сидмон, а затем, чтобы отвлечься, начала обходить территорию каструма. Тихий солнечный день постепенно согревал тело, а за ним начала оттаивать и душа. Беатрис подумала, что Сидмон прав, и что Гвен никуда не денется.

Успокоенная этими мыслями, она переключила свое внимание на восточную стену, которой пришлось выдержать самые неистовые удары ветра. Несколько досок, соединявших часток с внутренней стеной, были вырваны и валялись внизу; одна держалась на последнем гвозде и натужно скрипела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.